

Свобода и достоинство

(Ответ на вопрос на Philosophy Stack Exchange: «На каких основаниях демократическое государство может запрещать порнографию?»)

Примечание о переводе

Этот текст был написан на итальянском и английском языках, и обе версии были отредактированы мной лично: я могу гарантировать, что они точно отражают мои мысли. Для всех остальных языков я использовал Google Translate, поскольку у

меня нет возможности профессионально
вычитывать переводы. Приношу извинения
за любые небольшие ошибки или
неточности. Это чрезвычайно эффективный
инструмент, на который читатель может
положиться; однако существует вероятность,
что некоторые нюансы моих мыслей были
переданы не полностью. Тем не менее, я
счёл предпочтительным предложить
несовершенные версии, чем лишить
читателей возможности прочитать эти
размышления на родном языке. Спасибо за
внимание и приятного чтения.

Вопрос о том, может ли демократическое государство запретить порнографию, полностью зависит от того, что мы понимаем под «демократией». Если демократия — это всего лишь тирания большинства, то ответ тривиален: порнографию можно запретить просто потому, что большинство этого желает, без дополнительных обоснований или «оснований». Но большинство не всегда справедливо или мудро. История преподносит отрезвляющие примеры коллективных решений, которые приводили к актам вопиющей несправедливости. В конце концов, не король и не тиран, а воля толпы требовали распятия Иисуса. И ничто

лучше не иллюстрирует, насколько опасной может стать коллективная «добродетель», когда она подавляет индивидуальность.

Конечно, я не собираюсь морально уравнивать сторонников запрета с толпой, требовавшей его распятия, а лишь хочу показать повторяющуюся историческую закономерность: моральную склонность масс к заблуждениям. Подобную динамику можно наблюдать и в других трагических эпизодах истории, когда власти, боясь гнева или паники толпы, приносят в жертву людей не ради справедливости, а ради сохранения собственной популярности или просто потому, что им не хватает моральных сил противостоять давлению толпы. Одним из

таких случаев стали пытки и казнь
миланского цирюльника Джана Джакомо
Моры во время чумы на суде, движимом
скорее народной истерией и потребностью
найти козла отпущения, чем
доказательствами, как описано Алессандро
Мандзони в «Истории позора колонны».
Власти, как пишет Мандзони,
руководствовались не разумом, а

> страхом не оправдать всеобщее ожидание,
столь же несомненное, сколь и безрассудное,
показаться менее умными, если обнаружат
невиновных, и обратить вопли толпы против
себя.

Это наглядное напоминание о том,
насколько мощным может стать
неинституциональное давление толпы.

Другой пример – долгая история судебных
процессов над ведьмами, где страх,
невежество и общественное давление
приводили к невыразимой жестокости. Во
всех этих случаях «воля народа» не была ни
мудрой, ни справедливой: её умиротворение
достигалось ценой истины, достоинства и
невинных жизней. Более того, если кто-то
настаивает на защите воли большинства как
на достаточном критерии этической
легитимности, то он должен принять
следующее логическое следствие:

«Окончательное решение еврейского

вопроса» стало бы приемлемым, поскольку было организовано режимом, пришедшим к власти путем демократических выборов при поддержке миллионов. Это, конечно же, не означает, что запрет порнографии можно сравнить с геноцидом, а лишь демонстрирует ошибочность рассмотрения власти большинства как достаточного морального критерия. Демократия – это не просто власть большинства: это система процедур, призванная защитить людей от произвола власти, включая произвол большинства. Без этических и правовых ограничений она превращается в форму тирании, замаскированную под демократическую легитимность, в форму

тоталитарной власти с народным лицом.

Некоторые могут возразить: если не большинство решает, что легитимно в демократии, то кто же это делает? Этот вопрос затрагивает самую суть демократического парадокса. Ответ одновременно очень прост и очень сложен.

i) С одной стороны, существует очевидный факт: власть действительно принадлежит большинству, но эта власть не абсолютна; она ограничена рамками. И это не антидемократическая позиция. Я уверен, что любой разумный читатель согласится с тем, что должны быть фундаментальные ограничения (догмы, если хотите),

применимые ко всем формам власти в обществе, даже к самым легитимным (правительствам, судьям, полиции, родителям и т. д.).

ii) С другой стороны, практическая задача определения и регулирования этих ограничений — одна из самых сложных и непреодоляющих дилемм политической философии, проблема, которая бросала вызов даже величайшим умам.

Алексис де Токвиль писал:

> Я считаю нечестивой и отвратительной максимой, что, говоря политическим

языком, народ имеет право делать всё, что угодно; и всё же я утверждал, что вся власть исходит из воли большинства. Разве я тогда противоречу себе?

Почти два столетия спустя у нас всё ещё нет окончательного ответа на этот вопрос на миллион долларов: как сделать демократию выражением воли большинства и одновременно защитить её от собственной хрупкости? Как предупреждает Энн Эпплбаум:

> При благоприятных условиях любое общество может восстать против демократии. Более того, если судить по

истории, все наши общества в конечном итоге так и поступят.

Это наблюдение — не пессимизм, а реализм. Демократии рушатся не только из-за переворотов, внешней дестабилизации или военной агрессии. Иногда их постепенно подрывают те самые люди, которые утверждают, что их защищают. Урок ясен: демократия должна быть чем-то большим, чем простое воплощение предпочтений большинства. Это должна быть система, защищающая свободу.

Разумеется, я не претендую на решение столь глубоких философских вопросов.

Отмечу лишь, что если демократия понимается как система, защищающая индивидуальные свободы, а не просто обеспечивающая соблюдение предпочтений большинства, то запрет порнографии требует строгого обоснования. Как предупреждал Джон Стюарт Милль:

> люди могут желать угнетать часть своего населения, и против этого необходимы меры предосторожности, как и против любого другого злоупотребления властью.

Эти слова идеально отражают суть нашего случая.

Отнюдь не являясь современным изобретением, откровенно сексуальные материалы восходят к самым древним временам античности, принимая различные формы на протяжении веков, но всегда отражая вневременной аспект человеческого желания, столь же вездесущий, как и другие формы культурного самовыражения, такие как музыка, математика или юмор.

Последний особенно актуален в данном контексте: подобно порнографии, комедия раскрывает измерение человеческой свободы, которое подрывает системы контроля. Она часто обнажала абсурдность власти или бросала вызов табу и догмам, и по этой причине обе часто подвергались

цензуре, стигматизации или замалчиванию.
У сексуальности и смеха есть общий секрет:
и то, и другое растворяет страх
удовольствием. Именно поэтому те, кто
правит посредством страха, всегда
стремились заставить их замолчать. Тем не
менее, они продолжают существовать,
потому что дают голос чему-то
первобытному и неукротимому в
человеческом духе, чему никакие указы или
догмы никогда не могли противостоять.
Конечно, не вся порнография претендует на
звание искусства, как и вся музыка, вся
комедия или вся литература. Суть в том, что
самовыражение, даже
коммерциализированное, заслуживает

такого же уважения, как и любая другая форма самовыражения, основанная на согласии. Как и любая другая форма человеческого самовыражения, ни порнография, ни юмор не требуют оправдания для своего существования. Скорее, их запрет требует обоснованного обоснования. Джон Стюарт Милль утверждал:

> Единственная цель, ради которой власть может быть правомерно применена к любому члену цивилизованного сообщества против его воли, — это предотвращение причинения вреда другим. Его собственное

благо, будь то физическое или моральное, не является достаточным основанием.

И это не просто теоретическое соображение: это один из фундаментальных столпов, на которых строится подлинно либеральная демократия. Если мы принимаем этот принцип, то бремя доказательства полностью лежит на тех, кто пытается наложить запрет, а не на тех, кто защищает индивидуальную свободу. Другими словами, основополагающий принцип свободного общества заключается в том, что индивидуальная свобода не нуждается в оправдании. Однако следует отметить, что граница между индивидуальным выбором и

выбором, влияющим на других, не всегда чёткая. Фактически, это различие поднимает одну из самых глубоких и долгосрочных проблем в политической философии.

Таким образом, ключевой вопрос в демократической системе заключается не в том, «почему порнография должна быть разрешена?», а, как справедливо задавался вопрос, «есть ли какие-либо обоснованные основания для её запрета?». Короткий ответ заключается в том, что в свободном обществе каждый взрослый человек должен иметь право свободно выражать свою сексуальность в соответствии со своей природой и желаниями. Просмотр или

производство порнографии полностью соответствует этому принципу. Так же, как никто не принуждается смотреть или заниматься спортом, никто не принуждается смотреть порнографию или участвовать в ней. Но запрет по моральным соображениям означал бы навязывание всем представления о сексуальности, которое не является универсальным, а представляет собой лишь субъективную точку зрения. Конечно, параллель со спортом не совсем уместна, поскольку порнография может беспокоить не только тех, кто не хочет (неинтересующиеся взрослые) или не должен (несовершеннолетние) к ней обращаться, но и тех, кто ею наслаждается,

но только в определённые моменты и контексты по своему выбору: даже те, кто ценит порнографию, не желают нежелательного контакта вне времени, когда они активно к ней стремятся. Как мудро сказано в Екклесиасте: «Всё своё время». Но это не аргумент против порнографии как таковой, а скорее вопрос регулирования и доступа. Очевидно, что её следует законодательно регулировать с особой тщательностью.

Теперь мы можем рассмотреть основные возражения и критически проанализировать их, поскольку, как мы видели, это

единственный разумный способ ответить на вопрос.

1) Опасна ли порнография?

Часто порнография критикуется как опасная как для тех, кто её производит, так и для тех, кто её потребляет.

1.1) Опасна ли она для тех, кто её производит?

Позвольте мне быть абсолютно ясным: учитывая масштабы индустрии развлечений для взрослых, было бы нереалистично полагать, что серьёзных проблем не

существует. Некоторые из этих проблем, несомненно, криминальны, включая психологическое давление, эмоциональную манипуляцию и неэтичные условия труда. Поэтому преуменьшать потенциальную серьёзность подобных злоупотреблений, утверждая, что у артистов всегда была возможность отказаться, не просто поверхностно, но и опасно. Никакое серьёзное обсуждение этих вопросов не может основываться на подобных упрощениях. Я не придерживаюсь этой точки зрения и не собираюсь её здесь отстаивать. Злоупотребления заслуживают не только морального осуждения, но и решительного судебного преследования. В

коммерческом контексте динамика отличается от динамики в личных сексуальных отношениях. Если атмосфера нездоровая, артист может чувствовать себя вынужденным не говорить «не это» или «не сегодня» просто потому, что он находится в оплачиваемой, структурированной и перегруженной ожиданиями среде. Обе ситуации вызывают серьёзные этические вопросы. Первая проблематична по вполне очевидным причинам: согласие должно быть конкретным, а не общим. Но второе (ощущение невозможности сказать «не сегодня») не менее важно. Разумно предположить, что даже самые сексуально активные и уверенные в себе люди

переживают моменты, порой длительные, когда желание угасает. И это тоже заслуживает уважения. У желания есть свои времена, и свобода означает уважение не только к моментам, когда оно ярко горит, но и к тем, когда оно тускнеет или тихо уходит. Право не испытывать желания — это не недостаток: это грань нашей человечности, и она не должна быть стерта ритмом производства или ожиданиями других. Это делает ситуацию более деликатной, чем обычный секс, и верно, что коммерческий контекст может быть более подвержен таким рискам. Но также важно отметить, что та же динамика может, к сожалению, проявляться и в нездоровой частной обстановке, причем

с гораздо большей остротой, чем в профессиональной порнографии, где даже неэтичное поведение ограничивается публичным характером акта. Как и в других потенциально опасных рабочих условиях, истинная безопасность зависит от разумного законодательства, интеллекта, эмпатии и этической сознательности тех, кто управляет процессом, а также от грамотно составленных контрактов.

Сексуальное выражение, как и все формы человеческой близости, всегда должно оставаться свободным, а не обязанным. Никто ни при каких обстоятельствах не должен чувствовать себя морально

обязанным предлагать своё тело.

Превращать желание в долг — значит угасать в нём. Конечно, решение отдать себя, даже без желания, может быть актом привязанности или щедрости (хотя с человеческой точки зрения это сомнительно; а что произойдёт, если оба партнёра занимаются любовью только для того, чтобы доставить удовольствие другому? В результате, как ни парадоксально и иронично, никто не будет доволен). Но это всегда должно оставаться выбором, а не ожиданием. Душевная открытость удовольствию, когда оно искреннее и свободное, безусловно, может обогатить близость, но её никогда не следует путать с

обязанностью. Существует фундаментальное этическое различие между профессиональным обязательством, которое можно отменить без стыда, и моральным ожиданием, которое превращает отказ в чувство вины. В патриархальных моделях брака отказ часто делает вас «ЭГОИСТОМ». Конечно, это не означает, что эти две сферы равны. Но, если быть честным, мы должны признать, что эмоциональное принуждение и моральные ожидания могут действовать более коварно в личных отношениях, чем в регламентированном профессиональном контексте. Разница заключается в моральных последствиях отказа от действия. В здоровом профессиональном контексте

исполнитель может в любой момент отказаться от участия, не будучи сочтенным морально ущемленным. Могут быть экономические последствия, но никто не ставит под сомнение её достоинство. Её «нет» не запятнает её достоинства. И её фантазии, если они свободно выражены, не должны вызывать у неё стыда. Свобода сдерживать своё тело и свобода раскрывать свои желания — две стороны одного и того же достоинства. В токсичном браке, сформированном долгом и ожиданиями, то же самое «нет» может вызвать чувство вины, эмоциональное давление или тихое разочарование. Цена не финансовая, а взаимная: могут быть лишены

привязанности, уважения или покоя.

Человек — это не услуга. Свобода заканчивается там, где предполагается доступность, а где заканчивается свобода, заканчивается и достоинство.

Конечно, некоторые могут утверждать, что само наличие тяжких преступлений должно быть достаточным основанием для полного запрета. Они могут утверждать, что любой честный и здравомыслящий человек, достаточно честный и здравомыслящий, чтобы признать очевидное (невероятно, что глобальное явление такого масштаба осталось незатронутым серьёзными проблемами), должен либо встать на

сторону самых радикальных
прогибационистов, либо быть обвинённым в
чудовищной бесчувственности. Но такое
мышление сводит любую сложную
реальность к бинарной логике. Как я буду
утверждать далее, есть как минимум две
истины, которые никогда не следует
забывать:

i) во-первых, крайне тяжкие преступления, к
сожалению, существуют во всех сферах
человеческой жизни, даже в тех, которые
считаются самыми благородными.

Противоречие между формальным
согласием и реальной, неограниченной
свободой – проблема не только
порнографии: оно может возникать во

многих областях, включая брак, где эмоциональное давление, социальные ожидания или финансовая зависимость могут глубоко влиять на выбор человека. Однако мы запрещаем брак не из-за его патологических проявлений. Мы признаём его важность и работаем над защитой тех, кто в нём уязвим. Те же рассуждения применимы и здесь. ii) во-вторых, возможность возникновения серьёзных проблем не может оправдать запрет того, что для многих людей представляет собой не только форму самовыражения или красоту, но и глубоко личное и жизненно важное измерение, подобно тому, как вера является таковой для верующего. В обоих случаях мы

имеем дело с интимными сферами смысла, которые невозможно оценить извне. Так же, как мы не требуем, чтобы вера соответствовала коллективным нормам для легитимности, мы не должны требовать этого и от сексуального самовыражения.

Запрет, отнюдь не решая обсуждавшиеся выше проблемы, порождает другие, не менее серьёзные, начиная с отрицания свободы тех, для кого демонстрация себя является глубокой экзистенциальной потребностью. Устранение проблем путём разрушения всего контекста, в котором они содержатся, подобно попытке «вылечить» рак, убив пациента; или отказу от еды,

одежды или пользования телефоном, чтобы исключить любой риск поддержки неэтичных практик. Вместо этого мы должны верить в возможность устранения зла, сохраняя добро, свободу и достойное существования. Именно в таких случаях различие становится необходимым.

Хотя преступления должны быть осуждены и преследоваться со всей решительностью, это не оправдывает запрет порнографии.

История показывает, что прямые запреты не уничтожают спрос. Они загоняют его в подполье, на рынки, где злоупотребления сложнее обнаружить, предотвратить или наказать. Нет оснований полагать, что

порнография станет исключением. Конечно, это не означает, что регулирование всегда является правильным решением. Некоторые рынки заслуживают запрета (например, торговля людьми, эксплуатация детей или тяжёлые наркотики), поскольку причиняемый ими вред неизбежен и не может быть устранен или смягчен посредством надзора. Однако с порнографией это не так: в отличие от изначально вредоносных рынков, она может безопасно функционировать при наличии надлежащего регулирования, обеспечивающего справедливые условия труда, осознанное согласие и обязательные медицинские осмотры. Легальность не

гарантирует совершенства, но обеспечивает прозрачность и мониторинг. Сектор, работающий открыто, может развиваться, совершенствоваться и соответствовать этическим стандартам. В последние годы внимание к этим вопросам значительно возросло. И если этого всё ещё недостаточно, то вместо того, чтобы участвовать в крестовых походах за запреты, было бы гораздо продуктивнее, если бы активисты добивались более строгой этической сертификации, не ущемляя свободу тех, кто решил стать её частью.

Опасения по поводу преступлений понятны и обоснованы. Однако утверждать, что

порнография должна быть запрещена по этой причине, было бы так же абсурдно, как утверждать, что церковь должна быть упразднена из-за наличия в ней лиц, склонных к насилию (и следует отметить, что эти преступления гораздо серьезнее всего, что может происходить в профессиональной порнографии, по причинам, которые я предпочёл бы даже не называть, хотя они всем известны).

Очевидно, что это был бы неразумный и неоправданный ответ. Сохранение того, что имеет глубокую ценность для многих людей, одновременно требуя строгого этического надзора, — это не предательство боли жертв, это не отрицание, а различение:

способность отделить то, что должно быть осуждено, от того, что всё ещё заслуживает существования. То же самое относится и к семье, пожалуй, самому священному институту человеческого общества, колыбели любви и заботы. И всё же, когда семья становится токсичной, она может стать ареной для самого разрушительного эмоционального и физического насилия. Стоит ли нам по этой причине упразднять семью? Конечно, нет. Потому что мы понимаем, что её ценность для миллионов жизней остаётся огромной, и что ответ на боль — не разрушение, а справедливость. Мы не уничтожаем то, что имеет смысл и прекрасно, чтобы наказать тех, кто это

предал. Мы стремимся исцелить, защитить и сохранить то, что всё ещё заслуживает существования.

Следуя логике, которая отменяет, а не реформирует, и упрощает, а не понимает, нам пришлось бы запретить работу, спорт, музыку, образование, туризм, игры, волонтерство или практически любую человеческую деятельность или институт, потому что преступления могут совершаться в любом контексте. Даже благотворительность, одно из самых благородных занятий человечества, была замешана в серьёзных скандалах.

Вспомните скандал с Oxfam на Гаити, где

некоторые гуманитарные работники злоупотребляли своим положением, эксплуатируя уязвимых женщин. Стоит ли нам запрещать благотворительность по этой причине? Нет, конечно, нет. Проблема не в самой благотворительности, а в тех, кто наживается на уязвимых людях в ней.

То же самое относится и к порнографии: необходимость чёткого регулирования в этой индустрии — не причина для запрета, а скорее способ обеспечить защиту участников, как и в любой другой сфере. Более того, подобно тому, как масштабы этого явления делают необоснованным утверждение о том, что злоупотребления

никогда не происходят, нет оснований полагать, что в этой отрасли неправомерное поведение распространено больше, чем на традиционных рабочих местах, где различные формы злоупотреблений происходят, часто за закрытыми дверями и вдали от общественного контроля, оставаясь скрытыми именно потому, что такая среда считается респектабельной и не вызывающей споров.

В настоящее время тысячи людей работают на строительных площадках без надлежащих мер безопасности, что ежегодно приводит к тысячам смертей. И всё же мы не призываем к запрету

строительства, поскольку признаём как его социальную ценность, так и возможность повышения безопасности посредством регулирования. Почему порнография, где риски несопоставимы, должна рассматриваться как нечто более опасное?

Некоторые виды ущерба не прописаны в законе. Не все травмы являются преступлениями, но они всё же травмы. Поэтому они имеют значение. Есть ли в порнографии токсичные среды? Неизбежно, где-то ответ всегда будет «да». Ни одна сфера человеческой деятельности такого масштаба не может быть полностью свободна от подобных проблем. Но это не

повод осуждать всю сферу сексуального самовыражения. Существует ли риск, что некоторые могут использовать порнографию не для того, чтобы исследовать желание, а для того, чтобы оно увяло? Да, конечно, есть. Мир полон людей, которые вредят тому, чего не понимают. Будьте очень осторожны: дело не в том, насколько откровенна сцена или насколько сильна может быть фантазия. Когда женщина решает свободно выражать свои глубокие желания, даже самые смелые и дикие, важно то, что они принадлежат ей, а не принуждены. И эта свобода включает в себя всё: право смело принимать свою сексуальность или полностью отвергать её.

Оба выбора (и всё, что между ними) законны. Её свобода, её самоопределение в выборе того, жить ли своей сексуальностью и как, её счастье — вот что имеет значение. (И эта истина простирается далеко за пределы порнографии.) В конечном счёте, так же, как мы не запрещаем брак из-за того, что некоторые люди превращают его во что-то токсичное (не совершая формально преступления), мы не должны запрещать порнографию из-за того, что некоторые ею злоупотребляют или низводят её до простого механизма зарабатывания денег, превращая то, что могло бы почтить глубочайшее «я» человека, в нечто пустое, бездушное,

лишённое смысла, слепое к красоте,
которую оно должно было бы раскрыть.

С другой стороны, существование
серьёзных проступков, статистически
неизбежных в любом крупном человеческом
начинании, не отменяет реальности
позитивного и глубоко значимого опыта:
многие люди в индустрии открыто говорят о
своей личной самореализации, даже после
ухода из спорта, когда какой-либо
финансовый интерес минимален или
отсутствует. И, как и в случае с гонщиками
Формулы-1, они могут уйти не из-за
сожалений, а просто потому, что
почувствовали, что пришло время начать

новую главу в жизни, возможно, под влиянием семейных проблем или других личных причин. Эти положительные отзывы — реальность, которую нельзя игнорировать. Некоторые могут счесть это наивным или «романтизированным» взглядом на порнографию, но поистине наивно предположение, что человеческие желания, мотивации и стремления можно свести к одному упрощённому повествованию. Идея о том, что любая женщина, положительно отзывающаяся о своём опыте в порнографии, делает это исключительно ради финансовой выгоды, не поддаётся фальсификации. Как объяснял Карл Поппер, теория, не поддающаяся

эмпирической проверке, научно необоснованна. Если каждое положительное свидетельство автоматически отвергается как вызванное финансовыми интересами, то нет никаких возможных наблюдений, которые могли бы опровергнуть эту теорию. Это не означает, что каждое утверждение следует принимать безоговорочно, но принципиальное игнорирование всех благоприятных свидетельств равносильно принятию догматической, а не рациональной позиции. И именно догма, а не разум, является истинным врагом понимания.

Возвращаясь к вопросу о риске, стоит отметить, что многие социально приемлемые виды деятельности сопряжены с гораздо большей опасностью, чем порнография, например, автогонки, экстремальный альпинизм или научные исследования в смертельно опасных условиях, таких как вулканы и пещеры. Эти занятия опасны, но общество не призывает к их отмене, поскольку опасность носит добровольный и осознанный характер. Каждый находит смысл жизни по-своему: то, что может показаться безрассудным или абсурдным одним, для других — полноценная жизнь. Таким образом, сопротивление порнографии зачастую, по-

видимому, меньше озабочено очевидным вредом и больше основано на культурном дискомфорте, связанном с сексуальным самовыражением. В свободном обществе нет оправданий для запрета добровольной сексуальной активности взрослых только потому, что некоторые считают её рискованной или неразумной. Те, кому действительно не всё равно, должны предлагать аргументы, а не навязывать ограничения.

1.2) Опасна ли порнография для тех, кто её смотрит?

Распространённый аргумент заключается в том, что порнография может оказывать влияние на психическое здоровье. Хотя порнография может оказывать негативное воздействие, особенно на психологически уязвимых людей, я часто задаюсь вопросом, не может ли глубоко агрессивное, грубое и фрустрирующее поведение, обычно наблюдаемое в обществе, быть, хотя бы отчасти, следствием подавления сексуального желания. Хотя я не претендую на экспертизу в психологии, вполне обоснован философский вопрос о том, может ли неудовлетворенная сексуальная потребность в течение длительного времени способствовать эмоциональному

дисбалансу. Это не для того, чтобы утверждать окончательный вывод, а для того, чтобы подчеркнуть философскую асимметрию: мы тщательно изучаем потенциальный вред порнографии, но редко задумываемся о возможных психологических последствиях ее отсутствия в определенных контекстах, особенно когда это отсутствие вызвано стыдом или внутренним чувством вины.

Однако, в отличие от алармистских заявлений о порнографии, я признаю, что моя точка зрения — это гипотеза, а не непреложный факт. Стоит также подчеркнуть, что я не намерен критиковать

само воздержание, которое является законным и личным выбором, который для многих людей может вообще не иметь никаких негативных последствий. Я просто хочу сказать, что для тех, кто не состоит в отношениях, отвергает проституцию и для кого случайный секс нежелателен или недоступен, практические альтернативы ограничены. В таких случаях выбор сводится либо к какой-либо форме самостимуляции, например, к порнографии, либо к воздержанию. Это не значит, что порнография удовлетворяет потребность в близости: это не так. Но в определённых обстоятельствах она может служить своего рода клапаном давления: способом

разрядить накопившееся напряжение и поддерживать работоспособное внутреннее равновесие, избегая психологического напряжения, когда подавление может привести к стрессу. Это не идеал; это просто человеческая реальность. Если мы хотим обсудить потенциальный вред, мы должны взвесить его объективно, а не предполагать, что воздержание по своей природе нейтрально, а порнография по своей природе вредна. Стоит задаться вопросом, действительно ли риски, связанные с порнографией, перевешивают риски, связанные с длительным или вынужденным воздержанием.

Что касается конкретно проблемы искажённого восприятия сексуальности, я не отрицаю, что для некоторых людей, особенно тех, кто испытывает трудности с критическим мышлением, порнография может иметь негативные последствия, например, формирование нереалистичных ожиданий. Но это свойственно не только порнографии – вспомните культ совершенства в социальных сетях или идеализированные образы в популярных фильмах и сериалах. Мы точно знаем, что социальные сети вызывают привыкание и способствуют искажённому восприятию реальности. Достаточно вспомнить распространение теорий заговора, таких как

химтрейлы, антипрививочные движения, теория плоской Земли или отрицание теории эволюции.

Хотя существуют движения, выступающие за более строгое регулирование социальных сетей, лишь немногие предлагают их прямой запрет. Вместо этого основное внимание уделяется повышению осведомлённости, поощрению ответственности и обеспечению надлежащего использования. Естественно, как и алкоголь и другой контент для взрослых, порнография должна быть доступна только совершеннолетним. Обеспечение доступа к ней

несовершеннолетних — это отдельный вопрос, касающийся регулирования, а не всеобщего запрета.

Развивается ли у некоторых людей компульсивное использование порнографии? Конечно, как показывает наука, это может происходить и с другими видами развлечений, включая телевидение, видеоигры и даже здоровые занятия, такие как учёба, правильное питание или физические упражнения. Наука нужна для понимания, а не для оправдания моральных крестовых походов. Тем, кто борется с компульсивным поведением, следует обращаться за помощью к медицине и

терапии. Они заслуживают заботы, поддержки и уважения, а не к суровому государству, которое карает всех остальных во имя их страданий. Это было бы несправедливо и несправедливо ни для них, ни для других. Я очень редко пью пиво, а моя жена каждую пятницу ставит два евро в лотерею. Следует ли запретить и то, и другое, потому что некоторые люди страдают от алкоголизма или игровой зависимости? Почему бы нам не позволить себе наслаждаться по сути безобидными «пороками» в мире? Проблема не в порнографии, социальных сетях, азартных играх, использовании смартфонов, шопинге

или алкоголе как таковых, а в контексте, в котором они взаимодействуют.

Некоторые могут манипулятивно возражать, апеллируя к авторитету ВОЗ, но это искажение фактов. Всемирная организация здравоохранения не выступает за запрет порнографии. Её заботы сосредоточены на защите уязвимых групп населения (особенно несовершеннолетних, доступ которых к ней должен быть строго лишён), а не на запрете сексуального самовыражения взрослых. Она также выражает обеспокоенность по поводу чрезмерного экранного времени, не призывая к запрету устройств, которые, несмотря на риски,

остаются чрезвычайно ценными, таких как смартфоны.

В заключение следует отметить, что, хотя нельзя отрицать, что порнография может иметь негативные последствия, изображение её как социальной чумы — грубое преувеличение, искажающее реальность.

Для большинства людей в обычных обстоятельствах она функционирует как безвредная форма развлечения. Это не означает, что она безвредна для всех, но, как и другие виды развлечений для взрослых, подавляющее большинство может ответственно наслаждаться ею без негативных последствий. Вместо того,

чтобы разжигать моральную панику, более рациональным подходом было бы сосредоточиться на ответственном потреблении, как мы это делаем в отношении других индустрий, ориентированных на взрослых.

2) Предотвратит ли запрет порнографии незаконное распространение интимных материалов?

Одним из аргументов в пользу запрета порнографии может быть то, что она способствует несанкционированному распространению личного сексуального контента. Это глубоко тревожная проблема,

заслуживающая не только нашего внимания, но и сочувствия и непоколебимой солидарности с жертвами. Позор целиком лежит на тех, кто злоупотребляет их доверием или питается им, а не на них. Они не одиноки, есть люди, которые разделяют их чувства. Им я бы сказал: если сегодня вам невыносимо, держитесь. Вы больше, чем эта боль. Вы достойны любви, уважения и справедливости. Вас определяет не то, что с вами сделали. Однако идея о том, что эту проблему можно решить, запретив легальную порнографию (тем самым ограничив свободу тех, кто находит удовлетворение в сексуальном самовыражении и демонстрации), ошибочна

по нескольким причинам (хотя мужчины также могут быть жертвами, стигматизация и последствия для женщин часто более серьезны; поэтому для ясности я буду далее ссылаться на женский случай).

Представим, что в репрессивном и, следовательно, антипорнографическом государстве (фашистском, коммунистическом, теократическом и т. д.) женщина сообщает о несанкционированном распространении интимного видео с ней: будет ли она защищена или ей грозит преследование за «аморальные действия»? В странах с регулируемыми нормами существуют правовые инструменты для

сообщения о незаконном распространении видео и наказания за него. Однако в странах с запретительным режимом жертвы могут столкнуться с препятствиями в поисках правосудия, поскольку само обсуждение сексуального контента может быть стигматизировано или даже криминализировано, что потенциально удерживает их от сообщения о нарушениях.

Некоторые могут утверждать, что эта проблема менее актуальна в странах, где порнография запрещена, поскольку теоретически там нет интимных видео, которые можно было бы распространять без

согласия. Однако этот аргумент глубоко ошибочен как минимум по двум причинам.

Во-первых, даже в странах, где порнография легальна и широко доступна, распространение или поиск интимных материалов без согласия является тяжким преступлением, преследуемым специальными законами, направленными на защиту жертв и уголовное преследование преступников. Укрепление этих мер защиты и обеспечение их соблюдения — благородное дело, заслуживающее неизменной поддержки.

Во-вторых, даже если бы мы, абсурдно, предположили, что в странах с запретительным режимом интимное видео распространяется сложнее, это ничего не изменило бы: сокращение тиража ничего не значит, если ценой становится замалчивание жертвы или криминализация её сексуальности. Более того, самый серьёзный ущерб от незаконного распространения не обязательно имеет массовый характер, он может происходить между знакомыми, причиняя глубокие и несправедливые страдания, и это независимо от количества доступной порнографии. Эта боль может быть ещё более разрушительной в условиях сильной стигматизации сексуальности:

именно в странах, где секс табуирован, а порнография запрещена, риск возмездия для жертвы ещё выше, поскольку её не только выставляют напоказ против её воли, но и клеймят виновной в деянии, считающимся социально неприемлемым. В таких условиях жертва не имеет возможности защитить себя, в то время как распространители видео остаются безнаказанными или даже находят поддержку в лицемерном обществе, которое осуждает женщин больше, чем мужчин.

3) Унижает ли порнография человеческое достоинство?

Эта критика основана на весьма сомнительном предположении: кто и для кого решает, что «унижает»? Я не собираюсь принижать все ценности. Скорее, я хочу подчеркнуть фундаментальный этический момент: когда взрослый человек даёт обоснованное, осознанное согласие на сексуальное выражение, не испытывая при этом ни стыда, ни вреда, мы должны спросить себя, является ли определение «унижающим» отражением самого акта или проецированием на него внешнего морального суждения.

Было время, когда даже «Мадам Бовари» Флобера преследовалась за непристойность.

И долгое время даже фрески Микеланджело в Сикстинской капелле считались скандальными из-за своей наготы. То, что считается «унижающим», всегда было в значительной степени вопросом культурного восприятия, а не объективной истины. Театр также долгое время считался чем-то постыдным, причем в такой степени, которую сегодня трудно представить. То же самое можно сказать и о работе: во многих обществах прошлого то, что мы сейчас считаем благородным и достойным занятием, когда-то считалось чем-то постыдным. В 4-й главе романа «Обручённые» Алессандро Мандзони рассказывает историю торговца, который,

состарившись, стыдился «всего времени, которое он провёл, занимаясь чем-то в этом мире», и с присущим ему остроумием и тонким юмором замечает, что «продажа не более нелепа, чем покупка», подчёркивая абсурдность мысли о унижении необходимого обществу занятия.

3.1) Унижение для кого?

Называть «унизительным» то, чем добровольно занимается взрослый человек, — это всего лишь внешняя проекция личных чувств, а не объективная реальность. Признаюсь: лично я считаю многие реалити-шоу унизительными как для

достоинства, так и для интеллекта участников, но я понимаю, что это вопрос вкуса, а не правовой вопрос. Другим они нравятся, и этого достаточно. Конечно, мы все можем согласиться, что запрет таких программ законом был бы явным нарушением личной свободы.

Если же, с другой стороны, утверждается, что порнография унижает зрителя, то почему просмотр секса более унизителен, чем просмотр спортивных состязаний, художественных или документальных фильмов?

Можно утверждать, что создание порнографии унинительно. Однако, если человек испытывает нечто позитивное и удовлетворяющее, нет причин критиковать это только потому, что это не вписывается в традиционные социальные каноны.

Порнография может включать в себя непристойные разговоры или затрагивать такие аспекты, как согласованное и приятное исследование контроля и подчинения. Но всё это происходит в пространстве, определяемом взаимным согласием и личной автономией, что принципиально отличает её от принуждения. Она не имеет ничего общего с угнетением, которое будоражит больной ум

насильника. Фундаментальное отличие заключается в согласии: сексуальная динамика становится захватывающей *именно* благодаря тому, что она свободно выбрана и доставляет удовольствие обеим сторонам, ничто не может быть дальше от любого вида насилия. Стоит также отметить, что некоторые люди находят глубокое удовлетворение в согласованной динамике доминирования и подчинения, основанной не на насилии или страдании, а на доверии, психологической капитуляции и общей радости от исследования ролей контроля и уязвимости. Это тоже допустимая и значимая форма сексуального самовыражения, если она свободно выбрана

и доставляет взаимное удовольствие. Чтобы быть этически обоснованными, эти динамики должны основываться на глубокой эмоциональной настройке и выбираться потому, что они резонируют с внутренней истиной участников. Называть такие переживания «унижающими» означает игнорировать разнообразие человеческой сексуальности и рисковать проецированием своего личного дискомфорта на других. Это разнообразие включает в себя не только смелое выражение, но и молчание.

Некоторые люди выражают свою независимость, обращаясь к сексу, другие — отворачиваясь от него. Ни одна форма свободы не является более законной, чем

другая. Воздержание — это не подавление, а отсутствие интереса — не провал. Свобода сказать «да» ничего не значит без равной свободы сказать «нет», не только на мгновение, но, возможно, и на всю жизнь. Более того, порнография не обязательно предполагает смелость. Она охватывает широкий спектр выражений, от самых нежных и романтических форм эротики до более откровенных проявлений. Не существует единого определения порнографии, как и не существует единого способа испытывать сексуальность. Важно то, что все формы основаны на согласии и личном выборе.

Если сексуальный опыт осознанно выбран взрослыми людьми и переживается в безопасности, то считается ли он унижающим достоинство — это вопрос личной точки зрения, а не оправдание запрета. Нелепо, когда кто-то диктует: «Нет, ты не должен получать от этого удовольствие только потому, что мне это не нравится». В конечном счёте, этот принцип применим к любой другой человеческой деятельности: и я снова нахожу сравнение с экстремальным альпинизмом очень интересным: одни находят это чрезвычайно приятным, а для других — сущим кошмаром. Лишить первых этого опыта было бы почти

таким же серьёзным преступлением, как принудить вторых к этому.

Стоит также учесть, что вполне разумно предположить, что даже те, кто скептически или лично равнодушен к порнографии, вероятно, признают, что не всё в ней уродливо, бездушно или унизительно. Даже если отбросить почти весь существующий контент, трудно поверить, что большинство людей, столкнувшись с широким и разнообразным спектром, не найдут хотя бы несколько произведений, которые им близки. Не потому, что они «лицемеры», а потому, что эротическое воображение столь же разнообразно и сложно, как музыка или

поэзия. Даже если бы мы, абсурдно, приняли запретительную логику «Я запрещаю это, потому что мне это не нравится» (логику, которая этически несостоятельна), неявный силлогизм, лежащий в основе полного запрета, всё равно рухнул бы.

3.2) Моральный двойной стандарт

На самом деле, представление о том, что порнография унижает, часто отражает давнюю культурную традицию, которая всегда рассматривала женскую сексуальность как нечто, подлежащее контролю и ограничениям. Неслучайно

женщин, занимающихся порнографией, часто осуждают, в то время как мужчин осуждают гораздо меньше, если не восхищаются ими. Подобная же модель приводит к восхвалению мужчины, имеющего много партнёров, и осуждению женщины за такое же поведение. Но если проблема в социальной стигматизации, решение не в запрете порнографии, а в изменении менталитета, который её окружает. Унижает женщин не порнография, а социальные нормы, которые налагают на женщин моральное бремя за их сексуальный выбор. Это осуждение является формой сексуального угнетения. Такое осуждение не только несправедливо, но и принципиально

несовместимо с принципами справедливости и неосуждения, которые пропагандирует истинная христианская этика.

Но за утверждением, что женщина «не должна» заниматься порнографией, скрывается нечто ещё более тревожное: не потому, что она не хочет, а потому, что другие считают это недостойным её. Такое рассуждение не является защитным: оно сексистское и, в конечном счёте, дегуманизирует. Оно основано на предположении, что женщины не в полной мере способны самостоятельно решать, что чтит или позорит их достоинство. Сказать

женщине: «Ты не можешь заниматься порнографией», потому что это оскорбляет твои моральные устои, ничем не отличается от того, чтобы сказать ей: «Ты не можешь выступать публично» или «Ты должна сидеть дома и готовить».

Речь идёт не о защите её души, а о контроле над её волей. Отказать кому-либо в праве определять своё достоинство — это более глубокая форма объективации, чем любой акт, основанный на обоюдном согласии. Там написано: «Тебе не позволено быть собой, потому что мы уже решили, кем ты должна быть». И нет оскорбления более жестокого и высокомерного, чем притворяться, что защищаешь кого-то, отказывая ему в праве

быть собой. Я не берусь говорить от имени женщин, а лишь встать рядом с теми, кого осудили, и подтвердить их достоинство.

Мы должны помнить, что стигма преследует не только тех, кто выбирает порнографию своей профессией. Она также, возможно, даже более жестоко, поражает тех, кто попробовал её однажды, из любопытства, желания, чувства свободы или даже просто ради лёгкого заработка, а затем, со временем, они, возможно, начали сомневаться, не оставил ли этот выбор следа на них. Этим женщинам я хочу сказать со всей своей мягкостью и силой: вы ничего не потеряли. Ни своего достоинства. Ни права

быть любимой. Ни способности смотреть на вас глазами, полными уважения и искренней, нежной любви. С вами всё в порядке, ни тогда, ни сейчас. Те, кто судит вас, не понимая, лишь раскрывая свои собственные границы, а не ваши. Вы заслуживаете того, чтобы вас любили со страстью, с уважением, с поэзией. Не «вопреки» тому, что вы сделали, но тем более за вашу смелость. Потому что показать себя, сказать миру без стыда: «Это я», — значит не просто обнажить свою кожу, но и обнажить свою душу. И это тоже нечто глубоко человеческое и глубоко достойное. Это не значит, что такой выбор следует делать легкомысленно. Как я уже говорил

ранее, «если проблема в социальной стигматизации, решение не в запрете порнографии, а в изменении менталитета, который её окружает», но эта цель ещё далека и, возможно, никогда не будет полностью достигнута. Стигма существует, и если кто-то чувствует себя слишком хрупким, чтобы относиться к ней легкомысленно, спокойно, я не думаю, что разумно игнорировать её. Но это не имеет никакого отношения к ценности человека, пережившего подобный опыт.

3.3) Страх перед свободой других людей

Лично я, как и большинство людей, эмоционально и сексуально моногамна и замкнута, и мне неинтересно жить своей сексуальностью по-другому. Но это не заставляет меня чувствовать себя выше тех, кто делает выбор, отличный от моего (например, выбирает промискуитет или эксгибиционизм, характерный для порнографии), точно так же, как я не чувствовала бы себя лучше тех, кто занимается экстремальными видами спорта или посвящает себя увлечениям, которые я бы не стала разделять. Единственный действительно важный критерий — это добровольное и осознанное согласие тех, кто участвует. Почему я должна говорить

тем, кто живёт своей сексуальностью иначе, чем я: «Я прав, а вы неправы»? Какой объективный принцип оправдывает такую позицию? В каком смысле я морально превосходна? Настоящая любовь не подвержена угрозе сексуального самовыражения, особенно когда понимаешь, что секс и любовь, хотя они часто встречаются, — это не одно и то же. Можно испытывать эмоциональную вовлечённость без желания и желание без эмоциональной вовлечённости. Это не недостаток человеческой природы. Это часть её богатства. Я также твердо верю в возможность глубокой дружбы между мужчинами и женщинами, или, в случае

геев, между людьми одного пола. Меня огорчает, когда люди чувствуют потребность сексуализировать каждую форму привязанности или близости, как будто наш единственный эмоциональный язык - эротический. Есть огромная красота в связях, которые не требуют ничего, кроме присутствия, верности и тихой радости быть рядом с другим. Это краткое отступление, я считаю, неуместно. Философское мышление также означает признание глубоких связей между, казалось бы, разными темами. Сексуальная свобода также включает в себя свободу не вступать в секс, свободу развивать глубокие, неэротические связи, жить аффективными отношениями без

заранее установленных шаблонов. Здесь я хотел оспорить идею о том, что определенные связи должны быть сексуализированы или классифицированы. Это, по сути, тот же самый импульс, который лежит в основе стремления запретить порнографию: одержимость навешиванием ярлыков, категоризацией, контролем. Другими словами, эти размышления, хотя и личные, имеют огромное значение, поскольку наша способность уважать свободу других людей начинается с нашей способности понимать многообразие человеческих взаимоотношений. Именно это богатство

человеческого опыта должно напоминать нам, что мы не вправе судить.

Если человек добровольно выбирает порнографию, находит удовлетворение в своей работе и не страдает от неё, то реальный вопрос заключается в том, вправе ли судить кто-либо другой. Кто мы такие, чтобы говорить, что это «унижает достоинство»? Попытка узаконить мораль, основанную на личном дискомфорте, опасно граничит с авторитарным менталитетом и поднимает более широкие философские вопросы о свободе личности и государственном контроле над частной жизнью.

Как красноречиво выразился Джон Стюарт Милль в своей книге «О свободе»:

> Как только какая-либо часть поведения человека затрагивает интересы других, общество имеет над ней юрисдикцию, и вопрос о том, будет ли вмешательство в эту деятельность способствовать общему благосостоянию, становится открытым для обсуждения. Но нет места для подобных вопросов, когда поведение человека не затрагивает интересы ничьих лиц, кроме него самого, или не должно затрагивать их, если только они сами этого не пожелают (все заинтересованные лица должны быть

совершеннолетними и обладать обычным уровнем понимания). Во всех таких случаях должна быть полная свобода, юридическая и социальная, совершать действия и нести ответственность за последствия.

Схожие споры возникают и в других областях индивидуальной автономии.

Рассмотрим эвтаназию: следует ли отказывать информированному, давшему согласие человеку в праве прекратить свои страдания? Или возьмем гомосексуальность, который до относительно недавнего времени ограничивался моралистическими аргументами, аналогичными тем, которые иногда выдвигаются против порнографии

сегодня. В некоторых частях мира он до сих пор находится вне закона, часто гетеросексуальными мужчинами (во многих случаях женщины, как правило, более терпимы, а в культурно регрессивных странах они и так редко занимают руководящие должности), которые, именно потому, что они гетеросексуальные мужчины, понимают, насколько мучительно было бы оказаться в ловушке мира, где единственной разрешённой формой близости является близость с женщиной. И всё же, несмотря на это понимание, они считают себя вправе навязывать лесбиянкам именно это, лишая их права следовать своей природе и любить свободно. Не по

неведению, а из желания навязать другим то, что они сами никогда бы не согласились терпеть. Как и в случае с порнографией, все эти случаи демонстрируют тот же глубинный страх перед свободой других и одержимость контролем над тем, что отличается от них.

Однако именно потому, что защита свободы гомосексуалов так важна, необходимо также осознавать риски, связанные с её эксплуатацией в целях самовозвеличивания. В последние годы в некоторых западных странах мы наблюдаем растущее число людей, которые, прикрываясь защитой прав сексуальных меньшинств, похоже, больше

озабочены демонстрацией морального превосходства, чем реальным благополучием тех, кого они якобы защищают. Эта динамика, часто движимая тщеславием, а не добродетелью, может оттолкнуть общественное мнение, вызвать культурную усталость и даже усложнить жизнь самим гомосексуалам, которые могут чувствовать себя смущёнными, искажёнными или низведёнными до уровня символов в идеологических баталиях. Очень похожее явление можно наблюдать в антирасистском активизме, где некоторые голоса стремятся не к справедливости, а к всеобщему вниманию. Борьба за достоинство и равенство заслуживает

большого, чем быть инструментом эго. Как однажды заметил Алессандро Мандзони (глава 13 «Обручённых»), часто случается, что

> самые ярые сторонники становятся помехой.

Истина, которая по-прежнему актуальна: самые ревностные сторонники, не знающие смирения и меры, часто становятся препятствием на пути к тому самому делу, которому они призваны служить.

4) Объективирует ли порнография людей?

Хотя важно признать, что некоторые люди могут находить истинное сексуальное удовлетворение в эротической объективации, в рамках обоюдного согласия и интимных отношений, термин «объективация» часто используется в негативном смысле, подразумевая потерю воли, достоинства или человечности. Но это принципиально разные понятия.

Эротическая объективация, когда она выбирается свободно и переживается с взаимным уважением, не то же самое, что дегуманизация. Первая может быть приемлемой формой самовыражения; вторая — насилием над собой.

Но когда мы говорим об объективации в порнографии, имеем ли мы в виду именно вторую? Если взрослый человек, давший на это согласие, решает заниматься порно, кто мы такие, чтобы утверждать, что он «низведен до объекта»? Если бы эта логика была верной, нам пришлось бы сказать, что модель объективируется, потому что её ценят за эстетику, или что спортсмен объективируется, потому что его ценность связана с физическими достижениями. Но никто не выдвигает подобных возражений, поскольку очевидно, что ценность человека никогда не сводится к одному измерению. Более того, порнография не отменяет

личности тех, кто ею занимается. Почему же она не может быть способом выражения своей индивидуальности?

Выражение «быть воспринятым как объект» само по себе проблематично. Порноактриса не воспринимается как манекен или пустая оболочка: именно тот факт, что она жива, присутствует и осознаёт, придаёт сцене смысл и делает её эротичной. Желание возбуждает не отсутствие субъективности, а именно её осознанное присутствие, осознанность, стоящая за взглядом, осознанный акт самопоказывания. Она не сводится к объекту; она — субъект, выбирающий игру с определёнными

эстетическими кодами. И этот осознанный выбор отличает эротическую демонстрацию от дегуманизации. Именно поэтому порнография, созданная искусственным интеллектом, какой бы реалистичной она ни была, никогда не сможет сравниться с настоящей порнографией. Это не просто изображения, это проявления человеческого присутствия, сознательных личностей, которые решили быть увиденными.

Этические и эмоциональные дилеммы, которые вскоре возникнут вокруг использования искусственного интеллекта в порнографии, — ещё одно доказательство того, что исполнители воспринимаются не как объекты, а как сознательные личности.

Если бы их действительно рассматривали как инструменты, порнография превратилась бы в искусственные копии. Я сильно сомневаюсь, что это когда-либо произойдёт. Искусственно созданное фигуративное искусство может быть эффективным во многих других областях, но именно в порнографии оно не может заменить человеческий фактор. Есть сферы, где люди часто рассматриваются как заменимые инструменты: на фабриках, в офисах, в сфере обслуживания клиентов. Конечно, в автоматизации нет ничего изначально неправильного: замена человеческого труда машинами часто является признаком прогресса, а не

нарушением этики. Но мы должны признать то, что она раскрывает. Когда машина может выполнять работу эффективнее, человек отвергается без каких-либо моральных колебаний, как будто его присутствие не имеет внутренней ценности. Именно так выглядит настоящая объективация.

Парадоксально, но именно в порнографии (той самой области, которую обвиняют в низведении людей до уровня объектов) человеческое присутствие ничем не заменить. И это наблюдение подчёркивает ошибочность утверждения, что исполнители рассматриваются как объекты: если бы они действительно были таковыми, ИИ-копий было бы более чем достаточно. Другими

словами, именно там, где сильнее звучат обвинения в объективации, на самом деле сильнее осознаётся незаменимость человека.

На самом деле, те, кто обвиняет порнографию в «объективации», часто делают это, чтобы стигматизировать женскую сексуальность. Почему женщина, демонстрирующая своё тело, должна быть «низведена до объекта», а те, кто его скрывает, считаются «респектабельными»? Такой подход не защищает женщин, а инфантилизировать их. Истинное уважение заключается не в том, чтобы говорить им, что они могут делать, а что нет, а в

признании их способности самостоятельно принимать решения. Снимать порно или стать монахиней — это законный и глубоко достойный выбор. Возмутительно, что есть люди, которые уважают одно, но не другое. И то, и другое — формы самоопределения, ни одно из которых не является более или менее благородным, если они свободны в своём выборе.

Некоторые ссылаются на Канта, обвиняя порнографию в низведении человека до объекта. Но именно его благороднейший принцип, повелевающий нам относиться к каждому человеку как к цели, а не просто как к средству, раскрывает изъян этого

аргумента. Если человек, полностью осознавая себя, считает, что одна из целей его жизни — это демонстрация своего тела, он не объект: он — личность, принимающая решения относительно своего тела и сексуальности. Моральное уважение к этому человеку означает уважение этого выбора, а не его подавление. Отказ ему в этой свободе во имя поддержания доминирующей социальной модели сексуальности, которую он не признаёт своей, означает именно отношение к нему как к средству достижения цели, которую он не разделяет (а именно, сохранение коллективного и моралистического представления о

сексуальности), а не как к самоцели. И это, да, действительно означает объективацию.

Некоторые могут возразить, что, даже предоставляя автономию и согласие, порнография всё равно часто подразумевает своего рода объективацию, и что одно это противоречило бы принципу Канта никогда не относиться к человеку просто как к средству. Но такая точка зрения крайне сомнительна. Когда мы позволяем взрослому человеку, полностью осознающему себя, заниматься порнографией, мы не принуждаем и не обманываем его, заставляя делать то, чего он не хочет, мы позволяем ему удовлетворить

потребность, найти форму самовыражения, которая важна для него.

Когда человек сознательно решает предложить себя взгляду других, даже в форме, которая эротически играет с объективацией, он не сводится к средству. Он выбирает цель; он проявляет свою свободу воли. В таких случаях тело становится языком, формой выражения, даже культурным или экзистенциальным высказыванием. Если я добровольно принимаю на себя роль, даже если она символически ставит меня в положение «средства», я остаюсь субъектом. Я автор этого момента. Я рассматриваю императив Канта не как запрет на эротические роли или

театральность, а как призыв к уважению суверенитета личности, особенно когда её свобода принимает нетрадиционные, но этически безвредные формы. Короче говоря, быть желанным или доставлять удовольствие, как это делают певцы и танцоры, — это не то же самое, что быть объектом.

Если бы мы перенесли исторического Канта в ХХІ век и спросили его, что он думает о порнографии, он, скорее всего, был бы в ужасе (и я не исключаю, что то же самое может быть верно и для Милля). Эта реакция была бы сформирована культурными и сексуальными нормами его

времени, а не основополагающими принципами его моральной философии. Именно поэтому я утверждаю, что применение его ключевых этических идей к нашему современному контексту может иногда требовать отхода от его личных суждений. Задача не в том, чтобы следовать выводам Канта, а в том, чтобы оставаться верным его моральному методу: относиться к людям как к целям и действовать только согласно принципам, которые мы можем желать, как к универсальным законам. Я полагаю, что, несмотря на все противоречия, присущие каждому человеку, Кант в каком-то смысле даже опередил Милля на несколько десятилетий. Он писал (из

«Старой поговорки: это может быть верно в теории, но не срабатывает на практике»):

> Никто не может заставить меня быть счастливым по-своему, согласно своим представлениям о благополучии другого. Напротив, каждый может стремиться к своему счастью так, как считает нужным, при условии, что он не посягает на свободу других людей преследовать те же цели, то есть на право другого делать то, что может сосуществовать со свободой каждого человека в соответствии с возможным универсальным законом.

Конечно, взгляды Канта на сексуальность были сложными, и моя область — физика, а не философия; я лишь предлагаю добросовестное философское прочтение его ключевых принципов, применённое к современному контексту, где моральные проблемы изменились (многие из упомянутых мной здесь реальностей во времена Канта просто не существовали и были невообразимы), но потребность в уважении, автономии и осознании влияния наших действий на мир остаётся прежней. Осмелюсь сказать, что вероятное неприятие порнографии историческим Кантом противоречило бы сути его философии, как с точки зрения императива относиться к

каждому человеку как к цели, а не просто как к средству, так и с точки зрения действия только на основе принципов, которые разумно можно было бы сделать универсальными законами (в данном случае — принципа, согласно которому личный выбор, которым мы можем не делиться, всё равно должен уважаться, если он уважает других). Здесь я рассматриваю эволюционную интерпретацию его мысли, сохраняющую её этическую сущность, но отвергающую сексофобский морализм другой эпохи. Относиться к кому-то как к цели — значит не диктовать ему жизнь, а уважать его способность выбирать её.

5) Эксплуатирует ли порнография одиночество?

Некоторые могут утверждать, что порнография эксплуатирует одиночество, но это слабый аргумент как минимум по двум причинам.

- i) Во-первых, порнография доступна не только одиноким людям. Многие люди в счастливых и крепких отношениях наслаждаются ею вместе, разделяя её опыт.
- ii) Во-вторых, все отрасли промышленности существуют для удовлетворения человеческих потребностей. Эксплуатирует ли сельское хозяйство голод?

Эксплуатируют ли врачи болезни? Если так

выразиться, то да, но это просто особенность всех профессий. Каждый раз, когда мы идём на работу, мы делаем именно то, чтобы удовлетворить свою потребность. И это, в общем-то, поистине благородное дело.

Иногда эти потребности вовсе не здоровы, например, табак, алкоголь, фастфуд, сладкие напитки или низкокачественные телепередачи. Однако, в отличие от таких веществ, как алкоголь или табак, порнография, по крайней мере, если воспринимается осознанно и с уважением, относится к естественной и здоровой потребности. Настоящий вопрос

заключается в следующем: какую проблему на самом деле решает запрет порнографии? Каким образом запрет порнографии улучшит жизнь мужчин и женщин, не состоящих в отношениях? Единственное беспокойство, которое приходит на ум в связи с проблемой одиночества, заключается в том, что в редких случаях психологически уязвимые люди могут прийти к убеждению, что порнография способна заменить человеческое общение. Однако, как уже обсуждалось в разделе 1.2, риск злоупотребления со стороны немногих не оправдывает подавления свободы для всех.

В заключение следует отметить, что не всякое употребление одинаково полезно: как и в случае с едой или развлечениями, излишества могут привести к проблемам. Но это не недостаток самой порнографии, а лишь напоминание о том, что любое удовольствие требует баланса и осознанности.

6) Аргумент «а что, если бы она была твоей матерью?»

Это классический пример эмоционального заблуждения. Идея о том, что какое-либо действие становится неприемлемым, когда в нём участвует близкий родственник, — это

не рациональный аргумент, а эмоциональная реакция. Если бы моя мать была порноактрисой, это был бы её выбор, точно так же, как если бы она выбрала профессию юриста, спортсмена или художника. Но почему это должно быть проблемой для меня? Если она сама добровольно выбрала этот путь, какие у меня могут быть рациональные основания для возражений? Единственный реальный вопрос должен заключаться в том, хочет ли она этого. Что, если бы ваша мать захотела подняться на К2? Это меня бы искренне ужаснуло, и не без оснований, ведь риски угрожают жизни. Хотя я всё равно считаю это *глубоко несправедливым*, я, по крайней мере,

понимаю, почему государство пытается запретить столь рискованные виды деятельности из соображений безопасности. Но порнография? Она может быть связана с эмоциональными и этическими сложностями, как и многие другие человеческие переживания, но при свободном выборе она сама по себе не вредна и не должна рассматриваться как угроза безопасности. Короче говоря, на вопрос «что, если бы она была вашей матерью?» я бы ответил точно так же, как Чарли Чаплин, гордо опровергнув обвинение, которое изначально было дискриминационным: «Я не имею такой чести». Тот факт, что член семьи занимается

определённой деятельностью, не меняет её этической природы.

7) Аргумент «что, если бы она была вашей женой?»

Хотя многое из сказанного в предыдущем разделе применимо и здесь, это возражение затрагивает более глубокие вопросы: оно апеллирует не к общественной морали, а к чему-то более интимному — эмоциональной связи между двумя людьми. Речь идет не о том, что позволяет общество, а о том, что романтическая любовь может понять и принять. И именно поэтому оно заслуживает равного философского внимания.

Это заставляет меня задуматься о том, как я лично понимаю отношения, доверие и свободу, не как о простом и неуместном отступлении, а потому, что любой философский ответ на возражение «а что, если бы это была твоя жена?» против порнографии обязательно зависит от того, как человек понимает любовь и партнерство. Далее следует не личный анекдот, а набор общих принципов, проиллюстрированных через личную призму, но призванных говорить об универсальной человеческой реальности. Как станет ясно, этот взгляд не является узким или предписывающим: он оставляет место для всех точек зрения и

эмоциональных переживаний. Мой взгляд на отношения основан не на владении, а на доверии и взаимном уважении. Я не владею телом своей жены: *она* владеет им. Если бы она сделала такой выбор, это было бы ее решение, а моя роль заключалась бы просто в том, чтобы уважать его и понимать ее чувства по этому поводу. Любовь — это не контроль и не страх перед свободой другого человека. Это доверие, соучастие и желание видеть, как любимый человек реализует себя так, как это имеет для него смысл. Тем не менее, открытость и честность являются основополагающими в любых отношениях. Хотя я не рассматриваю любовь как собственничество, я рассматриваю ее как

партнерство, основанное на взаимном доверии. Если бы моя жена приняла такое решение, не поставив меня в известность, это было бы предательством не из-за характера самого выбора, а потому, что это нарушило бы основу доверия, на которой держатся наши отношения. Прозрачность необходима: истинная свобода в паре означает не делать все, что хочет один, не учитывая другого, а делать выбор открыто, с взаимопониманием и уважением.

В романтических отношениях секс (и в более широком смысле, физическая близость и прикосновения) и любовь могут переплетаться, но это не одно и то же.

Можно делиться своим телом, никогда не отдавая свое сердце. И можно дарить полноту любви, даже не стремясь к прикосновениям. У всех нас есть люди, которых мы ценим любовью, лучезарной, непреходящей и совершенно несексуальной. Близость — это не всегда прикосновения. Иногда это присутствие, преданность или узнаваемость.

Представление о том, что женщина, снимающаяся в порнографии, не может иметь счастливых и любящих отношений, — предрассудок, а не реальность. Сделала ли она это своей профессией или просто решила исследовать эту сторону себя раз в

жизни, это ничего не меняет. Романтическая связь измеряется не сексуальным прошлым, а присутствием, глубиной связи между двумя душами. Любовь рождается из близости, поддержки и нежности, а не из сертификатов «чистоты». Тот, кто считает, что женщину нельзя любить с той же страстью и преданностью только потому, что её сексуальность была раскрыта в порнографии, будь то один раз или часто, ничего не понимает в любви.

Женщина может исследовать даже самые смелые, самые грубые, самые табуированные формы своей сексуальности, включая фантазии о самоотдаче, видимости

и открытости, и всё равно быть принятой с нежностью, преданностью и уважением.

Делилась ли она своим телом с миром однажды или часто, она всё равно может быть чьей-то музой, чьим-то якорем, чьим-то домом. Те, кто утверждает обратное, путают любовь с обладанием, а достоинство с конформизмом. Настоящая любовь принимает множество форм. Одна из них — это свобода, не со страхом, а с изяществом.

Нужна сила, чтобы раскрыть себя, пусть даже ненадолго, в осуждающем мире.

Принять свою правду, даже когда другие указывают пальцем. Эта сила — не моральный изъян. Это форма мужества. И

это мужество, эта сияющая честность — нечто глубоко прекрасное. Оно заслуживает не стыда, а восхищения. Оно заслуживает того, чтобы его встречали не с холодностью, а с такой любовью, которая не просит тебя прятаться, а стоит рядом с тобой в свете и поддерживает тебя в жизненных бурях.

Эмоциональная моногамия и сексуальная исключительность — два понятия, которые часто связаны, но остаются разными.

Человек может делиться своим телом, оставаясь эмоционально преданным исключительно своему партнеру. Я не утверждаю, что сексуальная исключительность неправильна, напротив,

это совершенно законный и ценный выбор для многих пар. Но что действительно важно, так это совместимость партнеров в этом вопросе. Каждая пара должна иметь право устанавливать свои правила, основанные на своих предпочтениях, границах и взаимопонимании, без социального давления. Некоторые считают сексуальную верность неотъемлемой частью, в то время как для других важнее личная свобода. Главное, чтобы партнеры были едины и не навязывали друг другу свою точку зрения. Если два человека обнаруживают, что их потребности в этом вопросе не совпадают, только они сами решают, как решить эту проблему. Тем не

менее, я также хочу ясно дать понять, что моя позиция не продиктована какими-либо «скрытыми мотивами». Меня не интересуют внебрачные отношения. Но это не значит, что я верю в право собственности, а лишь в уважение ее свободы, а не в присвоение ее себе. Для меня любовь означает желание счастья другого человека. Я никогда не хотел бы быть препятствием между моей женой и её самореализацией в жизни. Наши отношения построены на соучастии и взаимном доверии, а не на неуверенности, навязывании или контроле. Мы выбрали моногамию добровольно, потому что она отражает нашу индивидуальность, но это не значит, что я вправе запрещать жене делать

то, что она считала для себя глубоко важным, или что отношения, не основанные на сексуальной близости, менее глубоки, преданны или искренни. Важно не то, выбирает ли пара сексуальную моногамию, а то, построена ли их связь на взаимном уважении, согласии и понимании.

Некоторые сердца остаются близкими, даже когда тела меняются. Сексуальная моногамия — не единственно возможная форма любви. Это не единственный способ жить в отношениях. Короче говоря, каждый выбор, сделанный свободно взрослыми людьми, заслуживает уважения. Потому что суть именно в этом: никто не имеет права указывать другому, как «правильно» любить.

8) Аргумент «Но ни одна женщина никогда не захочет этого»

Существуют чувства, веры или желания, которыми мы, возможно, никогда не поделимся, но это не делает их менее реальными или менее достойными уважения. Иногда люди совершают поступки, которые большинство других не может понять. Гонщики — яркий пример: многие из них тратят огромные деньги только на гонки. На самом деле, они платят за то, чтобы рисковать жизнью. Ничто не иллюстрирует яснее, что некоторые люди

глубоко любят то, что другие считают чистым безумием.

Нет ничего плохого в наличии обычных сексуальных желаний или в их отсутствии вообще. И точно так же, как мы уважаем этот опыт, мы должны также проявлять уважение к тем, чьи желания принимают иные формы (например, желание быть на виду, открыто делиться своей чувственностью, как это происходит в своего рода эксгибиционизме, встречающемся в порнографии), и находить в себе смирение, чтобы признать то, что мы можем не до конца понимать или не разделять. Важно не то, соответствует ли

желание общественным нормам, а то,
реализуется ли оно с согласием,
осознанностью и взаимным уважением.

Учитывая это, давайте на мгновение
остановимся и поразмышляем над смыслом
этого конкретного аргумента против
порнографии, который утверждает, что
женщин с обоюдными
эксгибиционистскими фантазиями между
взрослыми людьми, будь то лёгкие или
сильные, просто не существует. Это
утверждение не просто ошибочно: оно
настолько радикально, учитывая
психологическое разнообразие
человечества, что попросту относится к

области нелепости. Но, что хуже всего, из всех аргументов против порнографии этот, безусловно, самый этически отвратительный, отталкивающий и бесчеловечный. Это не осуждение всех критических замечаний порнографии: некоторые из них поднимают важные вопросы. Что я отвергаю как этически отвратительное, так это отрицание того, что какая-либо женщина когда-либо могла свободно желать этого. Это не просто неправильно, это возмутительно с моральной точки зрения. Что может быть более жестоким, чем сказать кому-то, что его образ жизни настолько неприемлем, что его необходимо стереть из самого мира

человеческих возможностей? Что его желания настолько незаконны, что их даже невозможно представить?

Это не просто контроль. Это форма уничтожения: попытка стереть не только свободу, но и саму идентичность.

Вот почему недостаточно терпеть свободу женщин в теории, мы должны защищать её на практике, даже когда она принимает формы, провоцирующие социальную стигматизацию. Если вы верите в право женщины принимать самостоятельные решения, то право сниматься в порно также должно уважаться. Утверждать обратное — это не феминизм, а женоненавистничество.

Некоторые утверждают, что защищают женщин, но не слышат безмолвный крик тех, кто вынужден скрывать свои желания под слоями страха и цензуры, женщин, живущих в обществах, где свободное выражение своей сексуальности карается, даже криминализируется. В том числе, да, посредством репрессий против таких вещей, как порнография. И это не освобождение, а холодное удушение свободы. Этот безмолвный крик существует, но его заглушает моралистическое лицемерие тех, кто утверждает, что защищает женщин. Мы видели, что происходит, когда «добродетель» используется для оправдания преследований. Даже Христа распяла толпа,

считавшая, что поступает правильно.

История полна трагедий, совершённых во имя добродетели.

Есть женщины, которые с удовольствием занимались бы порнографией, но родились в местах, где даже малейшее проявление женской автономии жестоко карается. Они страдают не из-за порнографии, а потому, что им запрещено ею заниматься: их заставляют молчать по закону, а где-то просто клеймят позором. Если мы действительно верим в свободу, то мы должны защищать право женщины проявлять или скрывать свою сексуальность. Выражать свою сексуальность открыто, или

жить ею втайне, или даже не жить ею вовсе. Свобода означает выбор, а не принуждение. Отрицать существование таких женщин так же слепо, как отрицать, что другие страдают от нарушения их личной жизни. Обе формы страданий проистекают из отрицания сексуальной свободы, только в противоположных направлениях: одна — из-за нежелательной демонстрации (эту тему мы уже рассматривали в разделе 2), другая — из-за подавления желаемого самовыражения. Обе реальности заслуживают нашего полного внимания.

Тем, кто говорит, что порнографию следует запретить для защиты женщин, я

спрашиваю: вы действительно верите, что все женщины хотят одного и того же? Что ни одна никогда не страдала молча из-за того, что ей отказано в праве жить по своим собственным желаниям? Неужели вы и правда думаете, что среди миллиардов жизней на этой земле нет ни одной женщины, которая не спала бы ночами, жаждая свободы быть собой без страха и стыда, возможно, потому, что питает яркие, эксгибиционистские фантазии и жаждет, чтобы её видели, восхищались, желали на её условиях? И, что ещё хуже, она страдает, думая, что в глубине души она ущербна. Что её желания извращены, её фантазии постыдны, а сама она — нечто, что нужно

скрывать. Но с ней всё в порядке. И она заслуживает такого же достоинства и свободы, как и любой другой. Возможно, она мечтает сказать миру: «Вот это я. Я существую. Я такая. И мне не стыдно». (Одни и те же слова мог бы сказать верующий или атеист, осмеливающийся исповедовать свою веру во враждебной среде.) И всё же она страдает, *именно* потому, что кто-то где-то борется за то, чтобы лишить её этой свободы.

Заключение

Этот ответ следует воспринимать не как безоговорочную защиту порнографии,

которая, безусловно, может быть вредна в определённых контекстах, а как веский аргумент против её запрета как посягательства на свободу личности. Я не отрицаю, что существуют проблемы, связанные с порнографией, например, связанные с её потенциальным воздействием на психологически уязвимых людей. Но признание возможности причинения вреда не оправдывает запрет. Как и многие другие инструменты, порнография не является ни изначально хорошей, ни изначально плохой: её ценность зависит от того, как и кем она используется. В этом смысле порнография ничем не отличается от бесчисленного множества

других вещей, которые могут быть полезны при ответственном использовании, но вредны при злоупотреблении.

В конечном счёте, ключевой вопрос заключается не в самой порнографии, а в более глубоком вопросе о том, должно ли демократическое общество налагать моральные ограничения на добровольные акты, не нарушающие права других.

Истинная сексуальная свобода означает защиту как права выражать желание, так и права отказаться от него. Она означает защиту как смелых, так и тихих. Этот принцип выходит за рамки одной лишь сексуальности: критерий свободного

общества заключается не в том, насколько хорошо оно защищает то, чем мы восхищаемся, а в том, насколько справедливо оно относится к тому, что нам не нравится.

Свобода — основа любой достойной жизни. Как сказал Чарли Чаплин (обращаясь к человечеству), «мы не должны подчиняться тем, кто говорит нам, что делать, что думать и что чувствовать!» Вот почему это не просто спор об изображениях и экранах. Это спор о человеческом достоинстве, автономии и моральной смелости позволять другим быть разными. И в этом свете ответ становится ясен.

Запрещая добровольную сексуальную свободу, вы не просто угнетаете группу людей. Вы предаёте сами основы современной демократии. Идеи, защищаемые в этом тексте, уходят корнями в европейское Просвещение, в убеждение, что свобода личности — это естественное право на полноценную жизнь с уважением к другим. Но именно за океаном, во второй половине XVIII века, страна нашла в себе смелость законодательно закрепить право на свободу и стремление к счастью. И этому смелому (но глубоко несовершенному) жесту мы многим обязаны. Более того, если сегодня ещё существуют страны, где

человек может написать подобный текст, а другие могут его прочитать, то это благодаря крови, мужеству и жертвам тех, кто верил, что свободу, пусть даже для одного голоса, стоит защищать. В тёмные времена они рисковали всем ради нашей свободы. Они не всегда соглашались с содержанием речи. Но они верили в право говорить её.

Свобода — это не привилегия для обычных людей. Это неотъемлемое право каждого человека.

Куассо-аль-Монте, лето 2025 г.

Примечание автора

Я хотел бы поблагодарить свою жену, с которой, между прогулками в горах или вдоль озера, пиццей или ужином в китайской кухне, я часто с радостью беседовал об этих (и многих других!) философских вопросах. Эти моменты также являются частью этого текста. Эти беседы — одно из самых дорогих мне в жизни вещей, даже больше, чем моя глубокая любовь к физике и математике. Её присутствие, её доброта и её вдумчивый взгляд на мир — мои самые настоящие источники радости.